

© 2018 г.

О.И. АГАНСОН

БАЛКАНСКИЙ РЕГИОНАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК В УСЛОВИЯХ РАСПАДА ВЕРСАЛЬСКОЙ МНОГОПОЛЯРНОСТИ (конец 1930-х годов)

Агансон Ольга Игоревна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник кафедры новой и новейшей истории исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

«Первая мировая война не знала столкновения идеологий... Тогда еще не существовало антагонизма между капитализмом и социализмом, глобальной экономикой и автаркией, парламентаризмом и диктатурой», — писал видный венгерский политик и интеллектуал Э. Хантос осенью 1939 г., размышляя о роли и месте малых европейских стран в начавшейся Второй мировой войне¹. Последняя воспринималась Хантосом не как порождение территориально-политических и империалистических амбиций великих держав, а как конфликт различных моделей политического и социально-экономического устройства государств, взаимодействие между которыми на разных уровнях и формировало систему международных отношений. Версальская система, по справедливому наблюдению венгерского автора, не смогла абсорбировать противоположные мировоззренческие установки — их сосуществование в рамках одного организма было несовместимо с жизнью.

Вместе с тем, как указывал советский историк Б.Ф. Поршнев, любая новая система «не может быть какой угодно, а может быть лишь такой, какую возможно построить из предыдущей посредством ее преобразования»². Подобным же образом версальская модель международных отношений, с одной стороны, унаследовала от предшествовавшей ей венской модели целый ряд проблем, которые особенно рельефно прорисовывались на региональном уровне, а с другой — содержала в себе эмбрионы наследовавшей ей биполярной модели. Вопрос о соотношении элементов преемственности и изменчивости в чередовавшихся системных моделях, в том числе различные аспекты уязвимости и недолговечности Версальской системы, являют собой фундаментальный вопрос международных отношений, который требует специального изучения и интерпретации³.

Данная же статья будет посвящена балканскому измерению кризиса Версальской системы. Даже при первом приближении очевидна схожесть между региональными порядками, существовавшими в Юго-Восточной Европе накануне Первой мировой войны и в межвоенный период, т.е. в рамках многополярных моделей международных

¹ *Hantos E.* La troisième Europe. Le front des petits Etats neutres. — *Affaires danubiennes. Revue de l'Europe Centrale et du Sud-Est*, 1939, № 6 (December), p. 305.

² *Поршнев Б.Ф.* Франция, английская революция и европейская политика в середине XVII в. М., 1970, с. 41.

³ *Манькин А.С.* Системность в международных отношениях: содержание, причины формирования и этапы развития. — *Основы общей теории международных отношений*. Отв. ред. А.С. Манькин. М., 2009; *Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации*. Отв. ред. Л.С. Белоусов, А.С. Манькин. М., 2014; а также см.: *Gilpin R.* War and Change in World Politics. New York, 1981; *Buzan B.* The Global Transformation: History, Modernity and the Making of International Relations. Cambridge, 2015.

отношений, и дискретность в устройстве балканского политического пространства, оформившегося по итогам Второй мировой войны. Примечательно, однако, что даже прозорливые современники, как уже упоминавшийся Хантос, были весьма оптимистично настроены в отношении судеб Балканского региона, сравнивая его «вклад» в происхождение Первой мировой войны и затишье, наблюдавшееся осенью 1939 г., когда «бывший “пороховой погреб Европы” стал одним из самых спокойных мест в водовороте европейской политики»⁴. Учитывая многообразие исследований, посвященных кризису Версальско-Вашингтонской системы в целом⁵ и перипетиям международных взаимодействий в Юго-Восточной Европе, в частности⁶, а также различным аспектам внутренней и внешней политики балканских государств⁷, мы посчитали целесообразным поставить вопрос о месте Балканского региона в агонизирующей Версальской системе конца 1930-х годов и о воздействии самой международной системы, т.е. внешних факторов, на расстановку сил в Юго-Восточной Европе. В центре нашего внимания будут два таких фактора. Во-первых, это нацистская Германия, действовавшая как системоразрушающая сила. До декабря 1940 г. Берлин не рассматривал в качестве приоритетной задачи своей политики территориально-политическое переформатирование Балканского региона⁸, скорее происходили «пропитка» регионального порядка германским экономическим влиянием и появление контуров новой модели экономического взаимодействия между великими державами и местными государствами. На этом примере как раз и прослеживается, с одной стороны, преемственность с Венской системой (стремление Третьего рейха воссоздать экономическое пространство бывшей империи Габсбургов), с другой — новации (вовлеченность великой державы в экономическую жизнь региона и отказ от торговых взаимоотношений в рамках классического капитализма).

Второй внешний фактор, на котором будет сфокусировано наше внимание, — это политика великих держав (Англии и Франции), заинтересованных в сохранении послевоенного статус-кво, в отношении балканских стран, а вернее, их запоздавшие попытки создания в регионе благоприятного политического климата, который позволил бы «законсервировать» версальский порядок, ибо стабилизация ситуации в подсистеме должна была способствовать поддержанию равновесия сил и на системном уровне.

⁴ *Hantos E.* Op. cit., p. 309.

⁵ *Taylor A.J.P.* The Origins of the Second World War. London, 1961; *Duroselle J.B.* Politique extérieure de la France: la décadence (1932–1939). Paris, 1979; The Origins of the Second World War Reconsidered: The A.J.P. Taylor Debate after Twenty-five Years. Ed. by G. Martel. London, 1986; Европа между миром и войной, 1918–1939. М., 1992; Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941. М., 1999; The Origins of World War Two. The Debate Continues. Ed. by R. Boyce, J.A. Maiolo. Basingstoke, 2003; *Mallett R.* Mussolini and the Origins of the Second World War, 1933–1940. New York, 2003; *Wright J.* Germany and the Origins of the Second World War. Basingstoke, 2007; *Steiner Z.* The Triumph of the Dark: European International History, 1933–1939. Oxford, 2011.

⁶ *Волков В.К.* Мюнхенский сговор и Балканские страны. М., 1978; *Смирнова Н.Д.* Средиземноморье и Балканы. — Европа в международных отношениях, 1917–1939. М., 1979; *Koliopoulos J.* Greece and the British Connection, 1935–1941. Clarendon Press, 1977; *Wheeler M.* Britain and the War for Yugoslavia, 1940–1943. Boulder, 1980; *Hitchens M.G.* Germany, Russia, and the Balkans Prelude to the Nazi-Soviet Non-aggression Pact. New York, 1983; *Littlefield F.* Germany and Yugoslavia, 1933–1941. New York, 1988; *Prévelakis C.* Entre alliance et crise de confiance: la politique balkanique de la France et son échec (1938–1940). — *Balkanologie*, 2003, v. VII, № 1; *Kissoudi P.* The Balkan Games and Balkan Politics in the Interwar Years (1929–1939): Politicians in Pursuit of Peace. New York, 2009.

⁷ См., например: *Спасов Л.* България, великите сили и балканските държави, 1933–1939 г. София, 1993; *Квашин Д.Ю.* Греция в международных отношениях, 1936–1941. М., 2011; Срби и рат у Југославији 1941. године. Зборник радова. Београд, 2013.

⁸ The German Campaign in the Balkans (Spring 1941). Department of the Army. Washington (D.C.), 1953. 13 декабря 1940 г. германским военным командованием было принято решение о проведении операции «MARITA» против Греции.

Структурная организация Версальской системы, подобно прошлым аналогам, продолжала оставаться многополярной, а вектор ее развития по-прежнему определялся характером взаимодействия между великими державами. Наличие нескольких центров силы и, как правило, неравномерное распределение мощи между ними обуславливали подвижность многополюсных конструкций. Степень этой волатильности и, соответственно, ее деструктивный потенциал зависели от склонности ключевых игроков к использованию силовых методов для реализации своих внешнеполитических целей. Ко времени окончания «Великой войны» совокупная мощь держав-победительниц (Великобритания, Франция, США) обеспечивала определенный запас прочности новой системной модели, который, однако, имел свои пределы. Во-первых, уязвимость Версальской системы крылась в самой ее конфигурации. Так, с одной стороны, наблюдалась традиционная дихотомия между великими державами, заинтересованными в отстаивании послевоенного статус-кво, и великими державами-ревизионистами, стремившимися нивелировать негативные последствия своего поражения в глобальном конфликте. С другой стороны, к деформации «кристаллической решетки» Версальской системы приводило «выпадение» из нее важных элементов (США и Советской России), модус взаимодействия которых в середине 1940-х годов определил облик новой системной модели. Во-вторых, шаткость Версальской системы была порождением внутренней неоднородности ее элементов, что непосредственным образом воздействовало на их программно-целевые установки во внешней политике. В рамках версальского миропорядка сосуществовали государства с разными общественно-политическими формациями; кроме того, в его недрах вызрело такое специфическое явление межвоенного периода, как тоталитарные диктатуры фашистского и нацистского типа.

Великобритания и Франция, занимавшие вершину неформальной международно-политической иерархии того времени, были ответственны за поддержание всей международной системы в равновесном состоянии. Однако у них было свое представление об уникальности и значимости каждого из регионов, т.е. градация внешнеполитических приоритетов и определяла разную степень их внимания к тому или иному сегменту политической карты мира. Владея обширными заморскими территориями, Великобритания и Франция были заинтересованы в их развитии. Ведь Первая мировая война оказала терапевтическое воздействие на колониальные империи, продемонстрировав их вклад в победу и обнаружив резервы для послевоенного восстановления, что побудило метрополии к активной реализации концепции «конструктивного империализма»⁹. Разумеется, было бы неверно говорить о сворачивании европейского направления во внешней политике Лондона и Парижа, особенно в контексте германского и русского вопросов. Кроме того, в первые послевоенные годы Франция развила довольно бурную деятельность, выстраивая систему союзов в Центральной Европе. Она явилась одним из вдохновителей создания Малой Антанты — регионального блока в составе Чехословакии, Румынии и Югославии¹⁰. Но в целом можно констатировать резкое сокращение политического присутствия великих держав в Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европе: ответственность за поддержание там стабильности Лондон и Париж практически полностью переложили на местных игроков.

Между тем Балканы являлись сложным по составу регионом, что создавало благоприятную среду для появления трещин и разломов на юго-восточном фланге Версальской системы. После Первой мировой войны конфликтный потенциал на Балканах по-прежнему оставался довольно высоким: старые противоречия, существовавшие между местными игроками, пусть и в модифицированной форме, вышли на новый уровень. Это были сербо-болгарские споры из-за Македонии и «западных окраин»¹¹, болгаро-греческие противоречия из-за Западной Фракии, румыно-бол-

⁹ Butlin R.A. *Geographies of Empires. European Empires and the Colonies. 1880–1960*. Cambridge, 2009.

¹⁰ Языкова А.А. *Малая Антанта в европейской политике (1918–1925)*. М., 1974.

¹¹ Кула, Цариброд, Босилеград.

гарские разногласия из-за Южной Добруджи, различное видение конфликтующими сторонами сербо-албанского и греко-албанского территориального разграничения. Таким образом, динамика внутрорегиональных взаимодействий на Балканах определялась степенью удовлетворенности местных игроков комплексом мирных договоров, подписанных на Парижской мирной конференции (Сен-Жерменского, Нейиского и Трианонского) и положенных в основу балканского порядка. Заинтересованность Румынии, Югославии, Греции и кемалистской Турции в его сохранении естественным образом обрекала их на сотрудничество с целью поддержания послевоенного статус-кво, сопрягавшегося в их восприятии с региональной безопасностью. Венцом этого сотрудничества стало заключение Балканского пакта в феврале 1934 г.¹² До определенного момента ни местный реваншизм, воплощением которого была Болгария, ни внешний ревизионизм в лице Италии, жаждавшей расширить сферу своего влияния на полуострове, не угрожали существовавшей на Балканах расстановке сил.

На формирование политического ландшафта Юго-Восточной Европы существенное влияние оказывали внутривнутриполитические процессы, разворачивавшиеся внутри его компонентов. Метаморфозы модернизации — особенности формирования партийно-политических систем, утверждение авторитарных режимов¹³, проблема преодоления экономической отсталости, нерешенный национальный вопрос¹⁴ — размыва-

¹² Балканская Антанта мыслилась как чисто региональная комбинация, краеугольным камнем которой являлась взаимная гарантия нерушимости послевоенных границ ее участников. Договаривающиеся стороны обязывались не заключать никаких соглашений с балканской страной, не подписавшей Пакт, и не предпринимать в отношении нее каких-либо действий без предварительной консультации с партнерами. Таким образом, в качестве главной угрозы региональной безопасности в Юго-Восточной Европе фигурировал ревизионизм Болгарии. Подробнее см.: *Avramovski Ž.* Balkanska Antanta: (1934—1940). Beograd, 1986; *Türkeş M.* The Balkan Pact and Its Immediate Implications for the Balkan States, 1930—1934. — *Middle Eastern Studies*, 1994, v. 30, № 1.

¹³ 6 января 1929 г. Александр Карагеоргиевич упразднил Видовданскую конституцию и установил режим личной власти в Югославии. 19 мая 1934 г. в Софии участниками военно-политической организации «Звено» и Военной лиги был совершен государственный переворот, в результате которого была отменена конституция, распущен парламент и ликвидированы политические партии. Однако уже в январе 1935 г. царь Борис III сумел отстранить от власти «Звено» и сосредоточить бразды правления в своих руках. В 1936 г. в Греции в результате так называемого «переворота 4 августа» институализировалась диктатура И. Метаксаса, теоретическим обоснованием политики которого стала концепция «третьей греческой цивилизации». 10 февраля 1938 г. в Румынии король Кароль II упразднил конституцию 1923 г. и провозгласил установление королевской диктатуры. Подробнее см.: История Румынии: 1918—1970. Отв. ред. Н.И. Лебедев. М., 1971, с. 231—237; Югославия в XX веке: Очерки политической истории. Отв. ред. К.В. Никифоров. М., 2011, с. 265—279; *Петрунина О.Е.* Греческая нация и государство в XVIII — XX вв. Очерки политического развития. М., 2010; *Bojinov V.* Zveno. — Токови историје, 2014, № 3.

¹⁴ В случае Югославии и Румынии прежде всего надо отметить неспособность их правящих кругов выстроить оптимальную модель многонационального государства, которая бы учитывала чаяния населявших их народов. Что касается Болгарии, то вопрос о возвращении территорий, потерянных ею после Первой мировой войны, и судьба Македонии (т.е. ревизия Нейиского мирного договора), с одной стороны, определяли внешнеполитическую программу Софии, с другой — являлись доминирующей темой во внутривнутриполитической борьбе Болгарского царства. Подробнее см.: *Pavlovich S.K.* The Improbable Survivor: Yugoslavia and its Problems, 1918—1988. London, 1988; *Banac I.* The National Question in Yugoslavia: Origins, History, Politics. Ithaca — New York, 1994; *Hitchins K.* Rumania 1866—1947. Oxford, 1994; *Livezeanu I.* Cultural Politics in Greater Romania: Regionalism, Nation Building & Ethnic Struggle, 1918—1930. Ithaca — New York, 1995; *Марков Г.* Покушения, насилие и политика в България 1878—1947. София, 2003; *Bakić J.* Ideologije jugoslovenstva između srpskog i hrvatskog nacionalizma 1918—1941. Zrenjanin, 2004; *Djokić D.* Elusive Compromise. A History of Interwar Yugoslavia. London, 2007; *Силкин А.А.* Внутривнутриполитические предпосылки заключения соглашения Цветкович — Мачек и формирование Бановины Хорватия (1934—1939 гг.). — Человек на Балканах: Власть и общество: опыт взаимодействия (конец XIX — начало XX в.). Сб. статей. СПб., 2009; *Поппетров Н., Божинов В.* Национално могъща и обединена България. Формациите на радикалната десница и националния въпрос. София, 2014.

ли грань между внутренней и внешней политикой балканских государств, вызывая флуктуацию их внешнеполитической ориентации. В условиях социально-экономической нестабильности 1930-х годов политическая элита балканских стран стала все чаще обращать взоры к нацистской Германии, которая сумела преодолеть последствия экономического кризиса 1929–1933 гг., создать, как казалось склонным к авторитаризму балканским политикам, устойчивую вертикаль власти в стране, умело и жестко решить «германский вопрос» посредством демонтажа Версальской системы при «умиротворительном» попустительстве Великобритании и Франции.

Обстановка в балканских государствах с ее возможной проекцией на внешнюю политику соответствующих правительств во многом определялась менявшейся макроэкономической конъюнктурой, а также их положением в системе мирохозяйственных связей. До Первой мировой войны аграрные экономики балканских стран были ориентированы на экспорт своей сельскохозяйственной продукции государствам Западной и Центральной Европы. Так, в 1911 г. на Бельгию приходилось 38% румынского и 29% болгарского экспорта. Для Сербии главными внешнеэкономическими партнерами являлись Австро-Венгрия и Германия, которые поглощали 41% и 25% сербского экспорта соответственно. Результатом этих внешнеторговых отношений стало сокращение разницы в доходах населения балканских стран и экономически развитых европейских государств¹⁵. Но Балканские войны 1912–1913 гг., а затем Первая мировая война внесли коррективы в эту относительно радужную картину, поставив новые вызовы перед местным руководством. Несмотря на некоторое улучшение демографической ситуации в 1920-х годах, расширение промышленного сектора, объемы урожая, по крайней мере в Югославии и Болгарии, к 1930 г. едва достигли довоенного уровня. Ощущалась нехватка иностранных инвестиций в их экономику. Налицо были сложности, сопровождавшие перестройку экономической системы Центральной Европы вследствие распада Австро-Венгрии и инкорпорации ее территорий в состав других государств, в частности в Югославию. Так, аграрии Хорватии и Словении потеряли доступ к свободным от пошлин городским рынкам Граца (Австрия), портам Риеки и Триеста, отошедшим к Италии. В итоге обе провинции, вместо того чтобы извлекать выгоду из расширившегося югославского рынка, предпочли добиться разрешения экспортировать излишки своей продукции в Австрию и Венгрию (а в иных случаях словенские и хорватские коммерсанты не останавливались перед контрабандой)¹⁶.

Мировой экономический кризис 1929–1933 гг. только усугубил экономическое положение малых стран Юго-Восточной Европы: к 1930 г. произошло резкое падение цен на сельскохозяйственную продукцию. А европейский финансовый кризис, начавшийся с банкротства банка «Кредит-Анштальт» в Вене и отказа Великобританией от «золотого стандарта», привел к росту расходов по обслуживанию долга балканских государств и в конечном счете к прекращению выплат по нему¹⁷. Кроме того, ставка Лондона и Парижа на внутриимперскую торговлю ограничивала объемы поставок балканских сельскохозяйственных продуктов на британский и французский рынки¹⁸.

В сложившихся обстоятельствах балканским странам приходилось самостоятельно искать пути преодоления экономического кризиса. Одним из возможных вариантов являлась выработка общей экономической политики странами Центральной и Юго-Восточной Европы, по крайней мере членами Малой и Балканской Антанты. На первый взгляд, для этого имелся необходимый политический базис. Однако его-то, как отмечал в своем обзоре видный деятель Коммунистической партии Турции Б. Ферди, и оказалось недостаточно. Из пяти стран четыре имели схожую

¹⁵ *Lampe J.R., Jackson M.R.* Balkan Economic History, 1550–1950: From Imperial Borderlands to Developing Nations. Bloomington (IN), 1982, p. 160–174.

¹⁶ *Ibid.*, p. 351.

¹⁷ *Ibid.*, p. 434.

¹⁸ *Kaiser D.E.* Economic Diplomacy and the Origins of the Second World War: Germany, Britain, France, and Eastern Europe. Princeton (NJ), 1980, p. 20.

социально-экономическую структуру, в которой превалировал аграрный сектор. Соответственно они выбрасывали на мировой рынок одинаковую сельскохозяйственную продукцию и нуждались в идентичных товарах промышленного производства, что означало слабость торговых взаимоотношений и отсутствие финансовой взаимопомощи. Более того, балканские страны зачастую выступали на иностранных рынках как конкуренты¹⁹. Столь низкая степень экономической кооперации, как показали последующие события, явилась уязвимым местом Балканской и Малой Антанты.

Таким образом, находясь на далекой периферии внешнеэкономических интересов Англии и Франции и вместе с тем не видя смысла в развитии экономических связей с соседями по региону, балканские государства были вынуждены искать сотрудничество с другими игроками — державами-ревизионистами Италией и Германией. Еще до прихода нацистов к власти, констатировал Ферди, «участие Германии во внешней торговле балканских стран превосходило другие промышленные страны и колебалось между 15 и 30 процентами»²⁰. Причем Берлин довольно быстро сумел потеснить экономические позиции Рима, в первую очередь в Югославии. По подсчетам греческого публициста Дороса Аластоса (Эвдороса Иоаннидиса), известного своими прокоммунистическими симпатиями, на Германию приходилось 60% товаров, прежде экспортируемых в Италию²¹.

Расширению и интенсификации торгового оборота между Третьим рейхом и балканскими государствами способствовало активное использование практики клиринговых соглашений. Ввиду ограниченных золотых резервов и дефицита иностранной валюты как в Германии, так и в балканских странах расчет между ними устанавливался непосредственно в местных валютах, соотношение курсов которых также регулировалось договаривающимися сторонами. Клиринговые сделки между Берлином и государствами Юго-Восточной Европы фактически сводились к бартерному обмену балканской сельскохозяйственной продукции на германские промышленные товары и оборудование. Германию упрекали в том, что она ведет нечестную торговую игру на Балканах, скупая продукцию местных производителей в больших объемах и по высоким ценам²².

Одним из негативных последствий этого торгового *Drang nach Süd-Osten* явилась аккумуляция замороженных кредитов, ибо Берлин не торопился платить по обязательствам своим балканским контрагентам. В конечном счете последние превращались из должников Германии в ее кредиторов. Вынужденные компенсировать создавшуюся задолженность за счет импортирования германских товаров и вооружения, балканские страны оказывались, таким образом, в зависимости от Третьего рейха. Подобное положение дел, как с негодованием писал Аластос, предоставляло Берлину прекрасную возможность шантажировать местные правительства. Навязывая им торговые соглашения, рейхсминистр экономики Я. Шахт «обнажал Дамоклов меч девальвации марки» и грозился «растворить долг в море дефляции»²³. Кроме того, надо принимать во внимание и тот факт, что балканские страны, как отмечалось выше, поставляли на европейский рынок одинаковое сырье, и Германия умело играла на этой конкуренции во время торговых переговоров. Другим инструментом привязки экономик государств Юго-Восточной Европы к Берлину стала выдача им долгосрочных кредитов на покупку немецкого промышленного оборудования и товаров длительного пользования²⁴.

¹⁹ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ), ф. 495, оп. 11, д. 22, л. 78–79.

²⁰ Там же, л. 83.

²¹ *Alastos D. The Balkans and Europe. A Study of Peace and the Forces of War.* London, 1937, p. 116.

²² The Royal Institute of International Affairs. *South-Eastern Europe: A Political and Economic Survey.* London, 1939, p. 195.

²³ *Alastos D. Op. cit.*, p. 117.

²⁴ The Royal Institute of International Affairs..., p. 195.

Тем не менее картина балкано-германских экономических взаимосвязей была более сложной, нежели ее изображали марксистские авторы. Как аргументировано, с опорой на статистический материал показано в экономическом обзоре по Юго-Восточной Европе, подготовленном британским Королевским институтом международных отношений (Чэтэм хаус), субъектно-объектные взаимоотношения, сложившиеся между рейхом и балканскими странами в экономической сфере, в немалой степени отвечали интересам не только субъекта, но и объектов.

Во-первых, индексы цен на товары, которые Болгария, Югославия, Румыния и Греция импортировали из Германии, были несколько ниже общемировых. При этом, правда, отмечалось, что немецкие компании поставляли на Балканы свою продукцию с изрядными задержками и экономили на ее качестве. Во-вторых, Германия содействовала повышению экспортных цен балканских производителей, что в результате привело к увеличению доходов соответствующих государств²⁵.

Все эти меры вкупе с благоприятными природными факторами (1936 г. выдался урожайным) вызвали некоторое оживление экономик балканских стран. Весьма показательным в этом плане является пример Болгарии, где со второй половины 1935 г., как констатировалось в отчетах Коминтерна по этой стране, наблюдалась пусть и небольшая, но устойчивая динамика улучшения народного хозяйства. Производство в 1936 г. выросло на 10%, преимущественно по линии легкой промышленности — в текстильной, кожевенной и каучуковой отраслях. Этот рост был простимулирован военными заказами²⁶. Таким образом, вырисовывалась определенная схема: прибыли, поступавшие от продажи Германии сельскохозяйственной продукции (немцы были готовы купить ее столько, сколько могла продать Болгария), вкладывались болгарским правительством в производство, связанное с военными нуждами. Другой стороной процесса модернизации и усиления боеспособности болгарской армии являлось приобретение у рейха вооружений для ликвидации клирингового баланса. Иными словами, руководством ревизионистской Болгарии использовалась — разумеется, с учетом местной специфики — немецкая модель преодоления экономического кризиса, нацеленная на подготовку к большой войне.

Германское правительство, действительно, до определенной степени было готово идти навстречу торговым интересам балканских государств, что обуславливалось двумя принципиальными моментами. Во-первых, Третий рейх стремился прочно «пристегнуть» экономики малых стран Юго-Восточной Европы к германской, чтобы максимально затруднить их переориентацию на «западные демократии» в случае начала войны²⁷. Во-вторых, политические и финансовые круги Германии вынашивали планы претворить в жизнь проект «Срединной Европы»²⁸, который приобретал особую актуальность в свете аннексии рейхом Австрии и чехословацких территорий (создание в 1939 г. протектората Богемия и Моравия), т.е. промышленного ядра бывшей Цислейтании. Восстановление хозяйственного пространства Габсбургской империи диктовало необходимость экономической реинтеграции ее бывших аграрных провинций, расположенных в Юго-Восточной Европе, а расширение и углубление торговых связей с балканскими государствами возвращали к ситуации начала XX в., когда большая часть их внешнеторгового оборота приходилась на Центральные державы. Об интенциях германского руководства адаптировать экономики балканских стран под единый имперский организм свидетельствовал тот факт, что им отводилась определенная хозяйственная специализация.

Прежде всего Берлин выступал против их индустриализации, поскольку она вела к сокращению импорта товаров немецкой промышленности. Так, Германия всячески избегала продавать станки и оборудование в Румынию. По словам британских

²⁵ Ibid., p. 196–199.

²⁶ РГАСПИ, ф. 495, оп. 11, д. 66, л. 37.

²⁷ The Royal Institute of International Affairs..., p. 199.

²⁸ Подробнее см. Meyer H. C. Mitteleuropa in German Thought and Action 1815–1945. Hague, 1955.

экспертов, Берлин «не скрывал своего неприязненного отношения к румынской индустриализации»²⁹. Эта балканская страна должна была обеспечивать рейх пшеницей и маисом. Надо сказать, что в принципе Берлин не был заинтересован в диверсификации и интенсификации сельского хозяйства стран Юго-Восточной Европы, так как это дало бы возможность ограничить посевы зерновых, а значит, уменьшить занятость крестьянства в этом виде сельскохозяйственной деятельности. Ведь скупка немцами зерновых культур обеспечивала доход большей части населения местных стран, в чем, безусловно, было заинтересовано их руководство и что в свою очередь усиливало его зависимость от германской политики³⁰.

Другая немаловажная причина компромиссного тона Берлина в торговых переговорах с правительствами балканских стран заключалась в том, что их экономическая жизнь не находилась под всеобъемлющим германским контролем и у них оставалось пространство для политического и внешнеэкономического маневра. В Бухаресте, Софии, Белграде и Афинах в целом отдавали себе отчет в тех опасностях и издержках, с которыми была сопряжена экономическая зависимость от Третьего рейха: возможное повышение цен на промышленные товары, помехи, чинимые Германией в индустриализации и, значит, в модернизации их экономик, отказ покупать сельскохозяйственную продукцию до тех пор, пока не будут снижены таможенные тарифы на немецкие товары и т.д. Тем не менее у правительств балканских стран имелись рычаги, позволявшие им сдерживать германский торговый натиск. Они искали расширения торговых связей с теми странами, которые вели свою внешнеэкономическую деятельность на базе свободно конвертируемой валюты, а не клиринга; ограничивали торговлю с Берлином посредством специальных пошлин на экспортную продукцию; предоставляли субсидии компаниям, продававшим свою продукцию за иностранную валюту³¹.

И все же, несмотря на попытки балканских правительств противостоять давлению Германии, в Юго-Восточной Европе начинали выкристаллизовываться элементы германского «нового экономического порядка», причем вызванные к жизни не силовой дипломатией. Исторически обусловленная специфика социально-экономического развития стран Балканского полуострова, роль географического фактора, а также предшествовавший опыт выстраивания торгово-экономических взаимоотношений в регионе вместе с особой практикой ведения межгосударственной торговли, появившейся в годы мирового экономического кризиса, облегчили экономическое проникновение Третьего рейха в Юго-Восточную Европу.

Как же реагировали на эту тенденцию, подрывавшую версальский порядок в регионе, «западные демократии»? Прежде всего рассмотрим позицию Великобритании, ибо, как справедливо отмечают исследователи, после Мюнхенского кризиса 1938 г. инициатива в англо-французском тандеме в его попытках сдерживания германского ревизионизма окончательно перешла в руки Лондона, тогда как политика Парижа носила скорее реагирующий характер³².

Британское правительство, как, в частности, явствует из меморандума статс-секретаря по иностранным делам лорда Галифакса, оценивало экономическое преобладание «большой» Германии, аннексировавшей Австрию и Судетскую область, в Центральной и Юго-Восточной Европе не только как политическую реальность, но и как историко-географическую «неизбежность». Э. Галифакс был уверен в том, что «торговля, осуществляемая между промышленной Германией и преимущественно аграрной Центральной и Юго-Восточной Европой, является сбалансированной, а потому

²⁹ The Royal Institute of International Affairs..., p. 136.

³⁰ Ibid., p. 185.

³¹ Ibid., p. 200.

³² D'Hoop M.J.M. La France, la Grande-Bretagne et les Pays balkaniques de 1936 à 1939. — Les relations franco-britanniques de 1935 à 1935. Paris, 1975, p. 57–58; Komjathy A. T. The Crisis of France's East Central European Diplomacy 1933–1938. New York, 1976, p. 206–208.

взаимовыгодной для обеих сторон». Опасения главы Форин оффис вызвала перспектива политической зависимости балканских стран от Германии и их подчинение ее экономической доктрине: практикуемые Берлином валютные ограничения и стремление достичь автаркии начинали переформатировать политическую жизнь каждой из них³³. Таким образом, ключевой вопрос, по мнению Галифакса, заключался в том, обернется ли экономическое доминирование Германии ее политической гегемонией на Балканах, а в перспективе и в Европе. Это в конечном счете и определяло британские подходы к ситуации в регионе.

Британские дипломаты делали ставку на те региональные и внешние факторы — и старались их «культивировать», — которые тормозили превращение Юго-Восточной Европы в закрытый «заповедник» германского бизнеса. Во-первых, Форин оффис рассчитывал на сохранение резистентности у балканских государств относительно попыток рейха добиться торговой и экономической монополии в Юго-Восточной Европе. Именно эту, пусть и слабую тенденцию, как представлялось Галифаксу, необходимо было поощрять. По сути, интенсификация экономических взаимосвязей с местными странами, и в первую очередь с Грецией, рассматривалась Форин оффис как наиболее реальное направление балканской политики Англии, всячески стремившейся сузить свою вовлеченность в дела Юго-Восточной Европы, что объяснялось ограниченным характером ее интересов в регионе и отсутствием адекватных политических и военных средств для их реализации. Во-вторых, Лондон не спешил сбрасывать со счетов интересы Италии, несмотря на резкое сокращение ее торгового оборота с балканскими странами в середине 1930-х годов. Англичане исходили из того, что Рим должен был активизировать свою балканскую политику, в том числе и в экономическом отношении. Более того, британская дипломатия приветствовала раздел Балкан на сферы экономического влияния между Италией и Германией³⁴. Распространение итало-германского кондоминиума в Балканском регионе должно было, по мнению Галифакса, исключить преобладание там Германии, что соответственно не влекло за собой нарушения баланса сил в этом сегменте мировой политики.

Своей стратегической задачей на Балканах британское правительство считало содействие экономическому росту местных государств и преодолению их хозяйственной отсталости, причем не исключалось сотрудничество с Германией по этой проблеме. В таком сценарии Галифакс не видел ничего революционного, ссылаясь на опыт конца XIX — начала XX в., когда существовал тесный политический и экономический союз между Германской империей и Австро-Венгрией, а британские краткосрочные денежные ссуды играли важную роль в развитии торговли в рамках этого симбиоза³⁵. Такой подход, ориентированный на повышение благосостояния балканских народов, был продиктован не просто гуманистическими мотивами, а вполне прагматическими намерениями: участвуя в определении экономического вектора развития региона, Англия таким образом препятствовала бы превращению его в закрытую торговую зону и насаждению там германского экономического порядка.

Манифестация британской заинтересованности в экономической жизни Юго-Восточной Европы, на взгляд Галифакса, должна была убедить местные правительства в том, что помимо Берлина существовали и иные «точки опоры» (*point d'appui*)³⁶. Вопрос заключался в тех выгодах и преимуществах, которые сулило балканским государствам внешнеэкономическое сотрудничество с Лондоном, нацеленное на нейтрализацию германского влияния. Между тем проблема поиска альтернативы германской торговой модели на Балканах выходила далеко за пределы региона и приобретала системный характер, как с озабоченностью отмечал на заседании Палаты

³³ Memorandum by the Secretary of State for Foreign Affairs, November 10, 1938. — The National Archives (далее — TNA), Cabinet Papers (далее — CAB) 24/280/123.

³⁴ TNA, CAB 24/280/126.

³⁵ TNA, CAB 24/2880/124.

³⁶ TNA, CAB 24/2880/123.

общин британского парламента глава департамента заморской торговли Р. Хадсон. По его словам, методы Германии уничтожали мировые торговые связи и шли вразрез с законами свободного рынка³⁷. Так, планы германского руководства распространить всеобъемлющий контроль над Юго-Восточной Европой, используя такие «внеэкономические» меры, как закупки сырья по завышенным ценам и продажа оборудования по относительно невысоким, ударили по карману самих немцев, которые сталкивались с удорожанием жизни внутри страны. На основании этого критиковалось неоднократно озвученное представителями британских политических кругов предложение увеличить импорт балканской сельскохозяйственной продукции в Англию в противовес германскому торговому наступлению. По этому поводу Хадсон решительно заявил: «Мы не хотим, чтобы здесь выросли цены на хлеб из-за того, что мы, конкурируя с Германией, закупает у Румынии пшеницу по ценам выше общемировых»³⁸.

В свете этих дискуссий британский кабинет склонялся к тому, чтобы усиление экономических позиций Великобритании в регионе происходило в основном за счет деятельности частных компаний, а не на уровне конкретных межгосударственных договоренностей. Дабы минимизировать риски и издержки, сопряженные для британских фирм с закупками балканской продукции, Уайтхолл был готов дать бизнесу гарантии и оказать финансовое содействие. Но даже эти меры, как констатировал в своем меморандуме Галифакс, требовали значительных расходов³⁹.

Одним из самых энергичных и убежденных сторонников оказания экономического содействия странам Юго-Восточной Европы был Дж. Ллойд, глава Британского совета, в прошлом губернатор Бомбея и верховный комиссар в Египте. Ллойд, сам являвшийся частью британского истеблишмента, но вместе с тем обладавший обширными связями в правящих и финансовых кругах балканских государств, прикладывал огромные усилия в продвижении британского культурного и экономического влияния в регионе. В начале 1939 г. при его непосредственном участии были заключены сделки по закупкам британскими компаниями балканской продукции, а в конце апреля 1939 г. миссия Ф. Лит-Росса, главного советника британского правительства по экономическим вопросам, увенчалась подписанием соглашения с Румынией, по которому Англия приобретала 200 тыс. тонн пшеницы и гарантировала королевству кредит в 5 млн фунтов стерлингов. И хотя это были не те объемы, на которые рассчитывал Бухарест, изначально надеявшийся продать британцам 600 тыс. тонн зерна⁴⁰, даже такие ограниченные меры, предпринимаемые Лондоном, со стороны воспринимались как попытки противодействия экономической экспансии рейха, нацеленной на превращение Юго-Восточной Европы в его сырьевой придаток⁴¹. Проявлением этой крайне опасной тенденции стал заключенный 23 марта 1939 г. «Договор об укреплении экономических отношений между румынским королевством и германским рейхом»⁴².

³⁷ Hansard's Parliamentary Debates, House of Commons, v. 342. London, 1939, col. 500.

³⁸ Ibid., col. 502.

³⁹ TNA, CAB 24/2880/126.

⁴⁰ Atherton L. Lord Lloyd at the British Council and the Balkan Front, 1937–1940. — The International History Review, 1994, v. 16, № 1, p. 32–38.

⁴¹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 11, д. 253, л. 13–14. Так, в одном из обзоров, подготовленном Б. Стефановым, членом ЦК Компартии Румынии, было показано, как на фоне германской «пропитки» экономики королевства (закупка 50 германских самолетов, развитие румынского транспорта и коммуникаций немецкими специалистами, переговоры о продаже Германии всего урожая 1939 г.) происходило оживление торговых отношений с Англией, причем с положительным saldo для Румынии на сумму более 1 млрд леев.

⁴² В договоре констатировалось, что экономика Румынии должна развиваться с учетом потребностей германского импорта; в свою очередь Германия обязывалась поставлять вооружение и финансировать военное производство королевства; кроме того, предусматривалось создание «свободных зон», гарантирующих особые преимущества рейху в этой балканской стране. — Documents on German Foreign Policy (далее — DGFP), v. VI. London, 1956, p. 91–96.

Стремительно менявшиеся международные реалии: ликвидация Чехословацкого государства, предъявляемые рейхом требования к Польше по поводу Данцига и «польского коридора», «ультиматум» Румынии, предшествовавший подписанию германо-румынского экономического договора от 23 марта, оккупация Италией Албании — подталкивали Англию к усилению своего не только экономического, но и политического присутствия в регионе. Ведь британское руководство ясно отдавало себе отчет в том, что Берлин и Рим действовали по взаимной договоренности и их конечной целью являлась не ревизия отдельных составляющих версальского порядка, а «совместное доминирование в Европе», т.е. полное разрушение всей существующей международной системы⁴³.

В условиях надвигающегося конфликта с фашистскими державами Лондон стремился запустить внутренние механизмы укрепления региональных сегментов Версальской системы. Трудности выработки и артикуляции внешнеполитического курса Великобритании в отношении обстановки на Балканах были вызваны тем, что она изначально не собиралась втягиваться в балканские коллизии, склоняясь к «политике косвенной вовлеченности». На заседаниях кабинета неоднократно отмечалось, что Великобритания готова предпринять активные действия лишь в случае возникновения угрозы для Турции и Греции — ключевым странам с точки зрения обеспечения безопасности британских коммуникаций в Восточном Средиземноморье. А потому Галифакс убеждал своих коллег в необходимости заключения договора о взаимопомощи, в том числе и военной, с Анкарой и Афинами⁴⁴. Но это был максимум эвентуальных военных усилий Англии в Балкано-Средиземноморском регионе. Существование объективных географических факторов, как констатировалось на совещании министров 8 апреля 1939 г., не позволяло оперировать конкретными категориями в вопросах военной помощи Югославии и Румынии⁴⁵.

Между тем, несмотря на фактическое признание невозможности оказать военное содействие следующей жертве ревизионистских держав, Великобритания, а вместе с ней и Франция декларативно гарантировали территориальную целостность Польши, Румынии и Греции⁴⁶. Что касается сути односторонних гарантий, данных Бухаресту и Афинам, то их, на наш взгляд, следует трактовать как попытку стимулировать «иммунитет» регионального порядка, оформившегося на Балканах по итогам Первой мировой войны. Посланный «западными демократиями» сигнал о своей решимости не допустить окончательного демонтажа Версальской системы на региональном уровне подразумевал предел германской политической и экономической экспансии в Юго-Восточной Европе, что, как представлялось, должно было придать местным игрокам твердости в сопротивлении германскому давлению. Возможными путями реализации этой политики виделись, с одной стороны, реанимация Балканской Антанты как инструмента поддержания региональной стабильности, с другой — включение Балкан в общеевропейскую систему коллективной безопасности.

Показательной является сама постановка вопроса о гарантиях Румынскому королевству, которая обнаружила довольно ощутимую связь между политическими

⁴³ TNA, CAB 23/98/304. Cypher telegram to H. Knatchbull-Hugessen, 12 April 1939.

⁴⁴ TNA, CAB 23/98/122. CONCLUSIONS of a Meeting of the Cabinet, 29 March 1939. Анкара не спешила связывать свою судьбу с англо-французской коалицией, не получив достаточных гарантий о помощи, ее формах и объемах. Турецкое руководство подчеркивало свою удовлетворенность имевшимися у страны соглашениями. После напряженных переговоров, проводившихся весной — осенью 1939 г., и принятых в их ходе деклараций состоялось подписание трехстороннего соглашения между Англией, Францией и Турцией о взаимной помощи 19 октября 1939 г., через полтора месяца после начала Второй мировой войны. Подробнее см. *Живкова Л.* Англо-турецкие отношения 1933—1939 гг. М., 1971.

⁴⁵ TNA, CAB 23/98/249. NOTES of a Conference of Ministers, 8 April 1939.

⁴⁶ *Conkov S.* The British Policy of Guarantees and Greece (March — April 1939). — Политиката на великите сили на Балканите в навечерието на Втората световна война. София, 1971; *Alexandroff A., Rosecrance R.* Deterrence in 1939. — *World Politics*, 1977, v. 29, № 3.

пертурбациями на Балканах и соотношением сил на общесистемном уровне. Во-первых, решение британского правительства об обязательствах в отношении этой балканской страны было продиктовано стремлением доказать свою союзническую солидарность Франции, считавшей Румынию «ключом к ситуации» и готовой воевать ради ее «спасения»⁴⁷. Галифакс откровенно признавал, что в случае вовлечения Франции в военный конфликт против Германии, Британия не сможет остаться в стороне, поскольку такое бездействие будет чревато германо-итальянским доминированием на континенте и потерей морального авторитета как в глазах балканских народов, так и живущих за пределами Европы. Кроме того, принципиальной задачей становилось недопущение германского контроля над румынской пшеницей и нефтью, ведь это создало бы ресурсную базу для реализации геополитических амбиций рейха⁴⁸. Во-вторых, в своих расчетах Форин оффис учитывал «мультисубрегиональное» положение Румынского королевства и его роль в системе союзов малых стран Центральной и Юго-Восточной Европы. То обстоятельство, что Бухарест являлся членом Балканской Антанты, а также был связан союзным договором с Варшавой⁴⁹, позволяло рассчитывать на вступление Турции и Польши в войну в случае, если Румыния была бы атакована Германией⁵⁰.

Англия и Франция по-разному трактовали дипломатический подтекст гарантий Румынскому королевству. В Париже считали, что усиление присутствия «западных демократий» в Юго-Восточной Европе должно привести к структурированию комплексов региональной безопасности в условиях общеевропейской нестабильности. По заключению французского правительства, Турция ставила в прямую зависимость от англо-французских гарантий оказание помощи своей союзнице по Балканскому пакту⁵¹. В Лондоне, напротив, полагали, что, заявив о своих односторонних и «ничем не обусловленных обязательствах», «западные демократии» лишали себя рычага давления на Варшаву и Анкару в случае необходимости включения их в более широкую коалицию⁵². Верные своей традиционной политике «невовлеченности», британцы стремились максимально переложить ответственность на местных игроков, заинтересованных в сохранении на Балканах версальского порядка. В русле такого подхода Форин оффис пытался создать «балканский блок» в поддержку Румынии⁵³.

Однако любая политическая комбинация на Балканах, не предполагавшая участия Болгарии, оценивалась британскими дипломатами как стратегически уязвимая. Лояльность Софии могла быть обеспечена только при условии частичной ревизии послевоенного статус-кво в регионе. Как отмечал У. Черчилль в одной из частных бесед с премьер-министром Н. Чемберленом, «с Болгарией поступили несправедливо», подразумевая возможные территориальные уступки со стороны Румынии (Южная Добруджа) Болгарскому царству, дабы инкорпорировать его в гипотетический «балканский блок»⁵⁴. Британское руководство опасалось, что предоставленные Румынии гарантии территориальной целостности могли быть восприняты Бухарестом как страховка от возможной корректировки румынских границ в пользу соседних балканских государств.

⁴⁷ TNA, CAB 23/98/93. CONCLUSIONS of a Meeting of the Cabinet, 22 March 1939.

⁴⁸ TNA, CAB 23/98/297. CONCLUSIONS of a Meeting of the Cabinet, 13 April 1939.

⁴⁹ Польско-румынский союз был заключен в 1921 г. и пролонгировался три раза (1926, 1931 и 1936 гг.). Хотя в 1926 г. в договор о союзе были включены статьи, имевшие антигерманскую направленность, польско-румынский союз был рассчитан прежде всего на военное взаимодействие двух стран против СССР.

⁵⁰ TNA, CAB 23/98/297.

⁵¹ TNA, CAB 23/98/295.

⁵² TNA, CAB 23/98/288.

⁵³ TNA, CAB 23/98/286.

⁵⁴ TNA, CAB 23/98/289.

Рассматривая балканские страны в качестве самостоятельных игроков, а также признавая автономность регионального порядка в Юго-Восточной Европе, западные демократии, и в первую очередь Англия, не вполне понимали не только логику взаимодействия местных элементов, но и то, как нестабильность на мировой арене влияла на ее эволюцию. Об этом свидетельствуют, в частности, ситуация вокруг «гарантий» Греции и Румынии, а также реакция балканских государств, отстаивавших статус-кво, на проекты Лондона по «перелицовке» Балканской Антанты и будирование в этой связи «долго тлеющих» территориально-политических противоречий. Так, сама формула «односторонние гарантии» была выработана с учетом позиции греческого и румынского правительств, «боявшихся навлечь на себя гнев Германии» из-за своей ассоциированности с западными державами. Греки просили британцев «преподнести все в таком свете, чтобы не сложилось впечатления, будто запрос о гарантиях исходит от Афин»⁵⁵, тогда как румынский посланник в Лондоне В. Тилеа предпочел отказаться от своих прежних алармистских оценок германской версии экономического соглашения между Берлином и Бухарестом⁵⁶. Складывалась парадоксальная ситуация, когда, получив поддержку против агрессоров от Англии и Франции, столпов версальского миропорядка, малые страны боялись спровоцировать новый виток экспансионистской политики со стороны ревизионистских держав.

Такое несоответствие было вызвано тем, что в представлении балканских правящих кругов баланс сил в Европе неуклонно смещался в сторону держав «оси», и прежде всего Германии. Третий рейх воспринимался не только как крупнейший внешне-экономический партнер, но как доминирующий политический фактор, вытеснивший из региона французское влияние. Неспособность Третьей республики дать отпор Германии во время Рейнского кризиса 1936 г., ее постоянные внешнеполитические реверансы в сторону фашистской Италии в надежде расколоть итало-германский альянс, возможность политических уступок Риму за счет интересов малых стран Юго-Восточной Европы, обрушение Малой Антанты, подобно карточному домику, в период Мюнхенского кризиса — все это привело к падению престижа Франции на Балканах⁵⁷. Казалось, балканские страны были обречены превратиться в сферу влияния могущественной Германии, претендовавшей, как констатировал иностранный редактор лондонской газеты «The Financial Times» П. Эйнциг, на роль «посредника между ними и внешним миром»⁵⁸. Более того, правящие элиты малых стран Юго-Восточной Европы оказывались все более чувствительными к самоуверенным заявлениям нацистской пропаганды о том, что западные державы предоставили рейху карт-бланш в регионе — именно в таком ключе размышляло румынское руководство⁵⁹.

«Эффективное» решение рейхом германского вопроса, а также умелое жонглирование национальными противоречиями, существовавшими между малыми странами региона, воспринималось балканскими правящими кругами как свидетельство того, что центр принятия решений в Европе переместился в Берлин. В конце 1938 — в первой половине 1939 г. Румыния и Югославия не так опасались оказаться захваченными гитлеровской Германией, как панически боялись того, что последняя позволит Венгрии и Болгарии отторгнуть от них спорные территории. Тень первого Венского арбитража (ноябрь 1938 г.) наводила ужас на политиков в Белграде и Бухаресте. Гитлер умело играл на этих страхах. Так, во время переговоров в Берхтесгадене министр иностранных дел рейха И. Риббентроп пенял румынскому королю Каролю, пытавшемуся выяснить отношение Германии к судьбе закарпатских территорий, на то, что Румыния входила в состав Малой Антанты — региональной организации, союзной

⁵⁵ TNA, CAB 23/98/297.

⁵⁶ TNA, CAB 23/98/93. CONCLUSIONS of a Meeting of the Cabinet, 22 March 1939.

⁵⁷ Подробнее см. *Komjathy A. T.* Op. cit.

⁵⁸ *Einzig P.* La politique anglaise dans l'Europe du Sud-Est — Affaires danubienne. Revue de l'Europe Centrale et du Sud-Est, 1939, № 6 (December), p. 299.

⁵⁹ *Lungu D. B.* Romania and the Great Powers, 1933–1940. Durham, 1989, p. 137.

Франции, а значит, враждебно настроенной к Германии⁶⁰. Из этого вытекало, что лояльность по отношению к Берлину обеспечивала государствам, заинтересованным в сохранении послевоенного статус-кво, их территориальную целостность, а региональным ревизионистам — возможность перекройки политической карты. Так, в середине апреля 1939 г. болгарский МИД издал директиву № 19, где в качестве приоритета болгарской внешней политики фигурировало возвращение ряда потерянных территорий — Южной Добруджи, Западной Фракии, входившей в состав Греции, и «окраинных земель», присоединенных к Сербии. Весьма показательно, что появление этой директивы фактически совпало с окончательным демонтажем Версальской системы — ликвидацией остатков Чехословацкого государства и итальянским вторжением в Албанию⁶¹.

На фоне энергичных действий рейха и его решимости вмешиваться в дела государств Центральной и Юго-Восточной Европы позиция «западных демократий», рассчитывавших на то, что балканские страны сами урегулируют территориальные разногласия ради построения системы коллективной безопасности, выглядела довольно блекло. Греция и Румыния были разочарованы советами Парижа и Лондона пойти на уступки Болгарскому царству. В ответ на британские призывы румыны в лице министра иностранных дел королевства Г. Гафенку доказывали, что политика «умиротворения» в отношении Болгарии не работала и отказ Бухареста от Южной Добруджи не привел бы к стабилизации регионального порядка в Юго-Восточной Европе, так как болгары стремились к корректировке всего периметра своих границ⁶².

Афинам казалось, что предложения британских и французских дипломатов только раскалывали существующий балканский альянс, нацеленный на поддержание статус-кво в регионе, а значит, подрывали баланс сил на Балканах. Ряд греческих печатных изданий подвергли резкой критике Салоникское соглашение, заключенное между Балканской Антантой и Болгарией в июле 1938 г.⁶³ Лондон и Париж обвинялись обозревателями прокоммунистической газеты «Эмпрос» в содействии перевооружению Болгарии, ибо они предоставили ей заем в размере 375 млн франков за присоединение к «англо-французской оси». Кроме того, рисовалась пессимистическая картина международной изоляции Греции, становившейся слабым звеном Балканской Антанты. Позиции Турции и Румынии характеризовались как индифферентные, а возможные действия Югославии, заключившей с Болгарией пакт о «Вечной дружбе», вызывали самую серьезную тревогу у греческой общественности. В частности, «Эмпрос» прогнозировала вероятный сговор между двумя славянскими государствами о разделе греческих территорий⁶⁴.

Продолжая тему стратегической уязвимости Греции, это оппозиционное издание, критически настроенное по отношению к режиму И. Метаксаса и осуждавшее его сдержанную реакцию на гарантии, предоставленные Великобританией и Францией, указывало на те риски, с которыми была сопряжена англо-французская помощь греческому государству. Предсказывалась оккупация британскими и французскими войсками греческой территории, дабы «обеспечить себе стратегические пункты на

⁶⁰ DGFP, ser. D, v. 6, № 254, p. 341.

⁶¹ Поппетров Н., Божинов В. Указ. соч., с. 40–42; Божинов В. Балканский гамбит. Путь Болгарии и Югославии к Тройственному пакту. — Вторая мировая война в истории человечества. 1939–1945. Материалы международной научной конференции. М., 2015, с. 257–258. Относительно скромные претензии Софии к Белграду обуславливались ее стремлением придерживаться пакта о «Вечной дружбе», заключенного между Болгарией и Югославией в начале 1937 г.

⁶² Gafencu G. The Last Days of Europe: A Diplomatic Journey in 1939. London, 1947, p. 152–153.

⁶³ Салоникское соглашение аннулировало военные статьи Нейского и Лозаннского мирных договоров и констатировало отказ договаривающихся сторон от применения силы во взаимных отношениях. Подробнее см. Постников А. С. Салоникское соглашение 31 июля 1938 г. и позиция Франции. — Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке в новейшее время. Свердловск, 1981, с. 59–72.

⁶⁴ РГАСПИ, ф. 495, оп. 11, д. 134, л. 44–45.

Балканах и Средиземноморье, что будет означать начало расчленения Греции»⁶⁵. Этот мрачный сценарий во многом был порожден болезненным опытом Первой мировой войны, когда страна, разделенная по вопросу о вступлении в конфликт, оказалась на грани гражданской войны, а ряд ее территорий (в Македонии и некоторые острова в Эгейском море) были взяты под контроль Антантой⁶⁶.

Фактически был запущен процесс саморазрушения версальского порядка в Юго-Восточной Европе. Малые страны не ощущали того внешнего «каркаса», который обеспечивал бы жесткость региональной конструкции. В условиях нарастающего хаоса, отсутствия структурирующего начала руководство стран Балканской Антанты все более склонялось к политике лавирования между «западными демократиями» и державами «оси», видя задачу в том, чтобы удержать свои страны от втягивания в общеевропейскую войну. Греция, Румыния и Югославия воспринимали себя как «малые страны», чья стратегия выживания основывается на том, чтобы адаптироваться к той международной среде, которую будет формировать наиболее сильная из великих держав.

* * *

Подводя итоги нашим рассуждениям, можно констатировать, что в отличие от событий, предшествовавших Первой мировой войне, нестабильность на Балканах не привела к возникновению крупного военного конфликта. Более того, на протяжении года Юго-Восточная Европа оставалась вне Второй мировой войны. С одной стороны, в условиях версальской многополярности балканская подсистема развивалась относительно автономно, не являясь тем полем, где пересекались жизненно важные интересы великих держав. С другой — объективно ни одна из великих держав не обладала достаточными ресурсами и инструментами для того, чтобы добиться безусловного преобладания в регионе, политического и экономического. В 1941 г. Германия смогла установить свою гегемонию на Балканах, только начав военные действия и полностью разрушив прежний региональный порядок. В свою очередь Великобритания и Франция не сумели эффективно противостоять росту германского влияния в регионе в конце 1930-х годов. Хотя гарантии, данные Лондоном Афинам и Бухаресту, характеризовались британскими наблюдателями как «революционная трансформация политики Великобритании в отношении Юго-Восточной Европы»⁶⁷, они воспринимались сторонними наблюдателями как блеф «западных демократий»⁶⁸.

Между тем до определенного момента интенсивное экономическое проникновение Германии на Балканы не противоречило глобальной стратегии Лондона, ибо обретение Третьим рейхом «продовольственной базы» и рынков сбыта для его промышленных товаров позволяло рассчитывать на то, что Берлин умерит свои аппетиты в вопросе о колониях. Приблизительно так же англичане воспринимали и территориальные захваты, совершенные рейхом в Центральной Европе. Например, по убеждению британского посла в Берлине Н. Гендерсона, было бы сложно воспрепятствовать присоединению австрийских и судетских немцев к Германии, ведь подобная политика противоречила бы фундаментальному праву наций на самоопределение, т.е. тому самому принципу, который был положен в основу территориально-политического урегулирования после Первой мировой войны⁶⁹.

Иными словами, в представлениях части британского истеблишмента некоторая ревизия послевоенного статус-кво в Центральной Европе и германское экономическое преобладание в Юго-Восточной Европе создали бы для Германии комфортную внешнеполитическую среду и тем самым примирили бы ее с модернизированной

⁶⁵ Там же, л. 114–115.

⁶⁶ Петрунина О.Е. Указ. соч., с. 497–505.

⁶⁷ *Einzig P.* Op. cit., p. 303.

⁶⁸ РГАСПИ, ф. 495, оп. 11, д. 253, л. 16.

⁶⁹ TNA, FO 800/269/231. Henderson to Halifax, 12 August 1938.

Версальской системой. Еще накануне «Великой войны» британские дипломаты рассуждали о тех пагубных последствиях, которые повлек бы за собой распад многонациональной Австро-Венгрии — образование дуги из малых стран, погрязших во взаимной вражде, и последующее доминирование на «постгабсбургском пространстве» либо России, либо Германии⁷⁰. Таким образом, «умиротворение» рейха за счет Центральной и Юго-Восточной Европы казалось исторически закономерным. Однако, как показало развитие событий на Балканах, Англия и Франция не смогли контролировать распространение влияния Германии в регионе, что свидетельствовало о слабости их внешнеполитического потенциала, неспособности поддерживать некогда спроектированный и выстроенный ими миропорядок.

Еще один интересный момент, который отчетливо вырисовывается в связи с действиями Германии на Балканах: укрепление Берлином внешнеэкономических связей с местными государствами положило начало складыванию нового модуса экономического взаимодействия между балканскими странами и великими державами, который в полной мере себя обнаружил уже в условиях биполярной системы. На протяжении длительного времени экономики балканских стран (в том числе и до обретения ими независимости) были в той или иной степени инкорпорированы в экономические системы крупных империй, а их попытки экономической модернизации в первой трети XX в. в общем не дали блестящих результатов. Следовательно, даже минимальный уровень благосостояния этих стран зависел от экономического сотрудничества с той или иной великой державой, ее способностью запустить их хозяйственное развитие. За масштабную экономическую поддержку великих держав балканские страны готовы были платить политической лояльностью.

И, наконец, в условиях многополярной модели международных отношений балканские государства так и не смогли выстроить систему региональной безопасности (проекты Малой и Балканской Антанты оказались неработающими). Как представляется, для успешной реализации этой задачи им не хватило структурирующего содействия великих держав — архитекторов Версальской системы. Это свидетельствовало об ограниченной автономности регионального порядка в Юго-Восточной Европе. В свою очередь политика «умиротворения», проводимая Англией и Францией, вносила еще больше неопределенности в функционирование балканской подсистемы. Следуя примеру «западных демократий», малые страны пошли на уступки нацистской Германии, тем самым демонтируя версальский порядок в Юго-Восточной Европе.

⁷⁰ TNA, FO 800/366/42-43. Cartwright to Nicolson, 25 April 1913.